

ЗМЕЙ В ГЕРАЛЬДИКЕ И НАРРАТИВАХ ОДНОГО ГОРОДА

ТАИСИЯ ВАЛЕРЬЕВНА ХЛЫБОВА

(Московский государственный психолого-педагогический университет:
Российская Федерация, 121500, г. Москва, пос. Рублево, ул. Василия Ботылева, д. 31)

***Аннотация.** Автор рассматривает проблему интерпретации традиционных сюжетов в условиях «информационной революции» конца XX — начала XXI в. на примере топонимических преданий о белорусском городе Пружаны, включающих международный мотив проглатывания/изрыгания ребенка змеем.*

Пружаны — полиэтничный и многоконфессиональный городок на западе Белоруссии, история которого связана с польской королевой Боной — представительницей миланских правителей Сфорца, герб которых стал прообразом герба Пружан. Геральдическая картинка на гербе — змей, проглатывающий/изрыгающий ребенка, — стала текстопорождающей. Нарративы, объясняющие название города, включают мотивы, связанные со змеем, или обыгрывают известные змеборческой сказке и другим жанрам фольклора сюжеты.

Топонимические предания, записанные в Пружанах и окрестностях в XXI в., трансформировались под воздействием различных исторических и геополитических обстоятельств, изменявшихся ландшафтных особенностей территории. Герб со змеем, появившийся в конце XVI в., в конце XVIII в. был заменен другим, затем дважды возвращался. Дискретность геральдической традиции, наряду с вероятным полиэтничным культурным влиянием, сказались и на сюжетно-композиционной устойчивости топонимических нарративов, которые либо активно эксплуатируют змеборческий сюжет, либо обходятся без него.

Пружаны в соответствии с преданиями получили свое название благодаря утонувшей/проглоченной змеем Прузаны (Пружи, Прузы), мифологической дочери королевы Боны, или, по другой версии, были построены на месте обмелевшей после проклятия ее королевой реки.

Изменения в сюжете коснулись его идейных основ: согласно новой интерпретации, восходящей к официальному толкованию итальянского герба, а вслед за ним и пружанского, змей не глотает, а изрыгает ребенка из своей пасти, спасая его. Данная интерпретация, представленная в СМИ и книжных обработках легенды, также находит продолжение в устной традиции.

***Ключевые слова:** змей, геральдика, герб, Пружаны, Бона Сфорца, нарративы.*

Змей в мировой культуре представлен не только как амбивалентный, но и как поливалентный символ: это воплощение женского плодородия и мужской оплодотворяющей силы, податель жизни и ее губитель, аллегория лекарств, облегчающих страдания, и яда, причиняющего их; он связан с мудростью, с одной стороны, и ко-

варством — с другой. Данная особенность повлияла, в частности, на традиционные нарративы о змее, видоизменяя их по двум противоположным направлениям или вплетая нехарактерные для «первоначального текста» мотивы. Так произошло с топонимическим преданием о городе Пружаны, в герб которого входит змей (уж).

Районный центр Республики Беларусь Пружаны расположен в 89 км к северо-востоку от Бреста. Находится он на слиянии рек Муха и Вец, которые и дали здесь жизнь Мухавцу, правому притоку Западного Буга. Заселялась территория, по данным археологии, в XII–XIII вв. Город, вернее, *Прушанская волость* впервые упоминается в летописи под 1433 г.¹ Этот год ныне считается официальной датой основания города. С 1487 г. летописи сообщают и о самом населенном пункте под разными названиями — то Добучин, то Пружаны [Регионы Беларуси 2009, 288].

Название *Пружаны* интерпретируется исследователями по-разному. Оно связывается с просом — якобы основной сельскохозяйственной культурой региона. Довольно реалистичной на первый взгляд выглядит версия, предложенная польским писателем и историком XIX в. Юзефом Крашевским. Согласно ей, город был основан балтским племенем пруссов, которые переместились на эту территорию, уходя от нашествия крестоносцев. Отсюда и исторически менявшееся название — Пруссы, Прусяны, Прушаны, Пружаны [Церахава 2004, 6]. Толкование, которое вошло в этимологическую литературу, возводит название к слову «пруд», соответственно Пружаны — те, кто живет у пруда, на берегу пруда [Siownik 1888, 110; Пружаны і ваколіцы 2013, 5].

Однако на мифологию города оказали влияние иные исторические и географические обстоятельства, которые связаны с его пограничным между Польшей и Россией положением. В XVI в. король польский и великий князь литовский Сигизмунд I Старый подарил своей жене, Боне Сфорце, Кобринское княжество, в состав которого входили Пружаны. Это был торговый и хозяйственно-экономический центр того времени, где находился королевский (или княжеский) двор — место отдыха князей Кобринских и великих князей литовских во время их забав — охоты в Беловежской пушце.

Бона Сфорца (Сфорция) (1493–1557) — личность довольно известная в европейских королевских кругах того времени, в жилах которой текла кровь Медичи и Борджиа, была представительницей Миланского двора — дочерью герцога

Миланского Гиано (Джано) Галеацо Сфорца. После смерти Боны Пружаны достаются ее дочери — Анне Ягеллонке, жене Стефана Батория. В память о своей покойной матери Анна в 1588 г. даровала Пружанам магдебургское право, городскую печать и герб; княжеский привилеями обеспечивал независимость города от феодальных повинностей, определял самоуправление и существование собственного суда. Через год, в 1589 г., племянник Ягеллонки — король польский и великий князь литовский Сигизмунд III Ваза — документально подтвердил эти привилегии города, несколько изменив лишь герб.

Герб Пружан повторял герб рода миланских правителей Сфорца, который выглядел следующим образом: на серебряном фоне щита был изображен огромный голубого цвета крылатый змей в золотой короне, в пасти которого находился наполовину проглоченный (изрыгаемый?) червленый ребенок. На гербе Пружан изображен, скорее, уж, а не змей, нет крыльев, но он в короне. По законам геральдики гербы разных родов и городов не могли повторять друг друга, к тому же изображение змея в короне — символа суверенитета правителя — по отношению к Пружанам было не совсем ясным. Корона переносится с головы змея на щит.

Несмотря на то что Пружаны через какое-то время были лишены магдебургского права и статуса города, герб за местечком сохраняется до 1795 г., т. е. до третьего передела Польши, когда Пружаны вошли в состав Российской империи. Пружанам был возвращен статус города, а польско-католическая символика была заменена новой. Город значился административной единицей Гродненской губ. и включал в свою геральдическую картинку две символические фигуры — Погоню (всадника с копьем — знак Великого княжества Литовского) и Зубра — знак Гродненской губ. В 1845 г. эта эмблема была изменена: в герб вошла ель с висящим на ней охотничьим рогом, что указывало на связь Пружан с Беловежской пушцей, а со временем на нем опять появляется изображение одного из основных объектов охоты в пушце — зубра. Беловежская пушца в это время находилась во владении российских императоров, а Пружаны стали «привалом

державных охотников» [Городские поселения 1861, 72].

В 1921 г. в соответствии с мирным Рижским договором территории Западной Белоруссии, в том числе Пружаны, отходят Польше. Правительство Пилсудского возвращает городу герб XVI в. — ужа с наполовину проглоченным ребенком, при этом герб обрамляется двумя пальмовыми ветвями — знаком триумфа, а цвет фона меняется с серебристого на зеленый.

В 1939 г. соответствующие территории были присоединены к Советскому Союзу. Но геральдические изыски не в моде того времени, а тем более послевоенных лет, поэтому о гербе города никто не думал.

До 1988 г., когда город отмечал свой очередной юбилей, герба как такового не существовало. В этот год появляется символический знак города — зубр под елью. В 1997 г. местные власти провели конкурс на лучший герб. Победителем стала картинка, на которой щит, поделенный на три части, содержал старое изображение змея/ужа с ребенком, летящего аиста — распространённой птицы этих мест — и глиняного кувшина-горлача (Пружаны были центром гончарного промысла). На щите находилась корона, напоминающая крепость с зубцами, по бокам щита — букеты, состоящие из цветов и колосьев злаковых культур, что связывало новый герб с гербом СССР и БССР. Но герб, перенасыщенный символикой, 21 декабря 1998 г. был заменен самым старым, изначальным изображением — гербом, дарованным принцессой Анной, связывающим историю западнобелорусского городка с историей Италии. Он утверждён Пружанским райисполкомом решением № 1214 от 20 октября 1998 г. и внесён в гербовый матрикул Республики Беларусь 21 декабря 1998 г. под № 31. На современном гербе Пружан — голубой коронованный змей с ребенком в пасти (об этом см.: [Пружаны і ваколіцы 2013; Зелевіч 2008; Пракаповіч 2008]).

Несмотря на все драматические хитро-сплетения, историческая память победила и город «вспомнил» свои символы, возникшие более 400 лет назад и официально просуществовавшие в общей сложности 225 лет (с 1588 по 1795 г. и с 1921 по 1939 г.), но на деле никогда не забывавшиеся

и сохранявшиеся и в устной памяти народа, и в письменных источниках.

В этнографической литературе неоднократно упоминается записанный польским фольклористом М. Федоровским рассказ жителя д. Дварчаны Гродненской губ. Александра Савицкого о Пружанах: «*Палешукі паказваюць, што Мухавец колісь быў не на жарты вялікі. Так гэта крулева Бона наманула, канешне, тамака залажыць места, ды і то нібіўкі і паехала, узяўшы з сабой дзіця сваё. Прыязджае пад Мухавец, а на ём быў мост надта блазі, ды і то як з'ехалі, так і зваліліся ў ваду. А у той вадзе быў нейкі змей, ды і то зхапіў тое дзіця, ды і глынуў. Так яна закляла яго: "Каб гэты Мухавец зыйшоў на мізінны палец". І толькі на гэта выйшла, бо ўлетку, як падчас добра прыпячэ, то й зусім высыхае. Потым усе ж Бона залажала месца і назвала Пружаны» (цит. по: [Малышэўскі 1988]). А назвался город так, поскольку «...река стала "пружной" — "дробной", пустой» [Там же].*

Некоторые тексты рассказывают, что «кормилица, державшая на руках ребенка владельцев, случайно выбросила его в р. Муху и что река пожрала (пожрала) ребенка. От этого будто бы и Добучин стали называть Пожарала, переименованный потом в Пружану» [Живописная Россия 1882, 202].

Рассказы о Пружанах часто упоминаются в различном контексте и в современных СМИ: «*Давным-давно через болота, которых тут до осушения было великое множество, пробиралась женщина с ребенком на руках. Вдруг из болота выскочил змей, схватил младенца и проглотил его. Несчастная мать построила в этом месте церковь, а вскоре здесь образовался целый город. Поскольку ребенка звали Пружаной, то город и получил сходное название» (Анатолий Гурин. СБ. 14.01.2006).*

Таким образом, тексты либо связывают название с именем собственным мифической дочери королевы Боны, либо объясняют с помощью иных этимологических моделей («пружны» — мелкий, обмельевший, «пажарла» — от «пажэрці» — жрать, пожирать, поедать).

Устная повествовательная традиция, поддерживаемая краеведческой литературой и современной прессой,

² По-видимому, польское *próżny* — пустой, порожний.

вдохновляемая вниманием, которое уделяется ныне этнографическим и фольклорным текстам исторического содержания, сохранила и всячески разнообразила топонимическое предание:

«По берегу Мухавца гуляла дочка князя. Ее звали Прузана. Вдруг из воды вылезла огромная змея и проглотила девочку. В память о ней город назвали Пружаны» (Самозапись).

«Жила когда-то в наших местах княгиня. И было у нее две дочери — Ружана и Пружана. Одну дочь — Пружану — укусил вылезший из воды змей, и она умерла. И поэтому город назвали Пружаны» (Зап. от И. К. Дубинской, 1966 г.р., г. Пружаны. 1999 г.)³.

«Некогда жила графиня в наших местах. У нее было две дочки, одну звали Пружа, а вторую Роза. Проезжали они в карете по мостику через речку Мухавец. Мост был дряхлый, карета тяжелая упала в речку, где девочки утонули. В их честь назвали один город Пружаны, а второй рядом по соседству — Ружаны» (Зап. от Л. Л. Каменец, 1962 г.р., д. Новые Засимовичи, Пружанский р-н, Брестская обл. 2010 г.).

«Некогда жила графиня в наших местах. У нее было две дочки, одну звали Пружа, а вторую Ружа. Вот она им наделила по имению: одной Пружаны, а второй рядом по соседству Ружаны» (Зап. от Н. Н. Адамонис, 1979 г.р., д. Новые Засимовичи, Пружанский р-н, Брестская обл. 2010 г.).

«Жила королева Бона в наших местах. У нее было две дочки, одну звали Пружа, а вторую Ружа. Вот однажды кормилица возвращалась с прогулки с одной из девочек, через мост реки Мухавец (в то время она была очень глубокая). Мост был дряхлый, карета пошатнулась и упала в речку, девочка утонула. За это королева прокляла речку в нашем городе, и она стала такой мелководной, а город назвала в честь своей утонувшей дочки — Пружаны» (Зап. от Н. В. Младеновой, 1968 г.р., д. Новые Засимовичи, Пружанский р-н, Брестская обл. 2010 г.).

«Жила королева Бона в наших местах, у нее было две дочки. Одну звали Пружа, а вторую Ружа. В то время река Мухавец

контурами и видом своим была похожа на огромную змею. С одной из девочек кормилица отправилась на прогулку по речке в лодке. Девочка сидела на одном краю лодки, а кормилица на другом. Лодка пошатнулась, девочка упала в речку, спасти ее не удалось. Вот поэтому все люди стали говорить, что змея проглотила ребенка. Поэтому такой символ у нашего города» (Зап. от М. С. Младеновой, 2000 г.р., д. Новые Засимовичи, Пружанский р-н, Брестская обл. 2010 г.).

«Я только знаю, что жила какая-то графиня, было у нее две дочери. По-моему, их звали Рузина и Прузина. Как-то гуляли они в парке, там их укусила змея, и они умерли. В честь их назвали один город Пружаны, а другой Ружаны» (Зап. от Анастасии Юрьевны Стасюк, 1993 г.р., д. Новые Засимовичи, Пружанский р-н, Брестская обл. 2010 г.).

«Я что-то слышала, что у короля были две дочки, их звали Пружа и Анна. Они как-то пошли гулять и погибли. Вот из их имен и получилось название Пруж-ан-ы» (Зап. от О. А. Драчевой, 1994 г.р., д. Новые Засимовичи, Пружанский р-н, Брестская обл. 2010 г.).

Местная нарративная традиция является примером развития и циклизации различных сюжетов, установления связи между ними. Рассказы демонстрируют связь этиологического текста со своеобразно интерпретированным близнечным мифом: рядом с Пружанами обязательно упоминается находящийся в 45 км от него городской поселок Ружаны, известный с XV в., — в прошлом резиденция канцлера Великого княжества Литовского Льва Сапеги. Созвучие названий, по-видимому, обусловило развитие сюжета — соответственно в текстах вместо одного ребенка появляются две сестры.

Предания не всегда соотносятся с геральдическим изображением — змей в соответствующих рассказах может и не упоминаться, ребенок же в них всегда погибает, и в его честь город получает свое наименование. Возможно, дискретность геральдической традиции повлияла на сюжет, искажив древнейший рассказ, который сохранил только представление о гибели ребенка. Не исключено, что

³ Здесь и далее полевые записи (кроме специально оговоренных случаев) сделаны автором статьи и хранятся в его личном архиве.

изошренное сознание нынешнего носителя традиции, воспитанного на литературе, воспринимает змея на гербе как метафору реки, в которой тонет ребенок. Это тем более вероятно, что изображенный на гербе извивающийся змей/уж голубого цвета действительно напоминает реку.

Мифология города развивалась в полном соответствии с особенностями местности — заболоченными территориями, осушение которых осуществлялось в XX в., до этого населенными различными видами пресмыкающихся. Словарь Брокгауза и Ефрона сообщает, что в северо-восточной части Пружанского уезда «...находится болотистое плато», которое к югу «...понижается и примыкает к обширному и почти непроходимым болотам» [Энциклопедический словарь 1898, 597].

Приведенные выше тексты вполне коррелируют и с толкованиями гидронимов. Слово муха в составе названия реки Мухавец, на берегу которой расположен город, связывается с большими белыми мухами, которые якобы водились в этих местах и служили огромному водяному змею, загоняя людей и скот в воду на съедение чудовищу: «Муха атрымала назву ад вялікіх белых мух, якія служылі тутэйшаму вадзяному змею і прымушалі падарожнікаў і жывел падаць у вадку на сняданак пачвары...» [Пракаповіч 2008, 4].

По другим версиям река получила свое название, поскольку была «маленькая и журчливая», как муха [Панюціч 1987].

Современные записи топонимических преданий и легенд активно включают и сказочные мотивы. «Вось і пра рэчку нашу даўней казалі, што Мухаўцом назвалі менавіта з-за незлічонай колькасці белых мух, якія не давалі спакою людзям і жывёлам у цёплае надв'е. Нехта адзначаў, што як першы раз па ёй падарожныя паехалі, то ледзьве да канца дабраўся — гэтак многа іх было, ні глядзець, ні размаўляць, нават дыхаць не магі: набіваліся мухі і ў рот, і ў нос, і ў вочы. Закручваліся людзі белай палатнінай, толькі вузенькія шчылінікі для вачэй пакідалі, каб хоць неяк роўнядзь рачную бачыць ды чаўнамі кіраваць. Інакш вынік мог быць самы трагічны.

Старыя людзі казалі, што гэта не вадзяніковыя служкі мухі былі. Згадвалі яшчэ пра больш страшнае, трагічнае:

нібыта у Мухаўцы здавён жыў люты змей. Гэта маўляў ён усе і вырабляў. Напусціць мух на людзей, тыя ўвагу адцягваюць. Хто-небудзь рот разявіць з чоўна, а змей толькі гэтага і чакае, стаіўшыся дзесьці наблізу. Адно закрычыць чалавек, з адчаю ды болю заходзячыся перад смерцю, ды хвілін праз колькі на вадзе крывавая пляміна. <...> Вось з-за гэтага ненажэрнага змея і назва ў нашага населішча з'явілася. Нават і не верыцца, што так некалі магло атрымацца». Далее следует литературно обработанная история королевы Боны, чуть не потерявшей своего сына, попавшего в пасть змея, но спасенного благодаря вмешательству силача Янки: «Аднаго разу пад'язджаюць яны, ужо амаль пад самы веча-р, да рэчкі. Яшчэ на значнай адлегласці ад яе з'явіліся нейкія дзіўныя мухі. <...> Водная прастора ўздрыгнула, і з яе высунулася агромністая разяўленая пащца. Нечакана перад гэтай пачварай узнікла магутная рука з цяжкім мячом і нанесла ей некалькі моцных удараў, ад чаго тая зараўла, але побач з адной галавой з'явіліся дзве... Стары вой біўся з ворагам толькі адной рукой, другой... прыціскаў да сябе каралевіча». Ребенок был спасен. В благодарность королева подарила спасителям местные земли: «“Забірайце, — сказала, — абшары навокал гэтых запруджанаў і жывіце спакойна. Ніхто вас адсюль ніколі не прагоніць...” Адтуль і назва пайшла — Пруджаны. Потым ужо Пружаны стала» [Брэстчына 1995, 377].

Еще один вариант предания «Пра горад Пружаны і раку Мухавец» имеет столь благополучное завершение. Змей-«вадзянік» схватил и проглотил ребенка. Королева потеряла сознание. «А калі апрытомнела ды даведалася, што сталася з яе дзіцем, яна заклала тое месца:

— Каб гэты Мухавец зышоў на мязінны канец.

Так з таго часу і пайшло: улетку, калі моцна прыпякала сонца, рака ў тым месцы перасыхала і заставалася ў ёй вады вельмі мала. Людзі кажуць — на мізінны палец.

А пасля каралева Бона залажыла на гэтым месцы горад і назвала яго Пружаны» [Забытых таямніцаў чар 2006, 108].

В литературно обработанных изданиях легенд погибший/спасенный ребенок — мальчик. В некоторых текстах (возникших, по-видимому, под влиянием баллад)

погибает не сын Боны, а ее паж, который доставал со дна реки перстенок, оброненный королевой, и утонул. Королева праклинает реку, «...загадае ёй высахнуць, зрабіцца пустой, “пружнай”». Отсюда и название Пружаны» [Там же, 109–111].

В последние десятилетия в Белоруссии весьма усилился интерес к этнической и региональной истории и мифологии: появляется большое количество соответствующей литературы, местные периодические издания также плодотворно работают в этом направлении, практически каждый административный центр имеет свой сайт в Интернете, на котором представлена в том числе история городов и сёл.

Возвращение городу прежней символики породило интерес к истокам символов, в том числе к городской геральдике. Толкование герба рода герцогов Сфорца, к которому восходит пружанский герб, привлекает в легенду не антропофагические, а космогонические мотивы, и змей с ребенком в пасти рассматривается как воплощения хаоса, из которого рождается, сотворяется мир. Это возвращает символику герба к его изначальному толкованию (ребенок в соответствии с дарованной Сигизмундом грамотой именно появлялся, а не заглатывался змеем), а известный мотив — к его дохристианским первоосновам. То же отмечает, комментируя герб Пружан, геральдмейстер Комиссии по войсковой символике Министерства обороны Республики Беларусь Л. Спаткай: «Злева вуж у кароне, з пашчы якога нараджаецца дзіця...» [Спаткай 1996]. Комментатор герба указывает на то обстоятельство, что в Великом княжестве Литовском герб с изображением ужа был широко распространен.

В этом же ключе рассматривают герб и иные авторы: «Пружанскі герб — гэта

выява блакітнага вужакі на сярэбраным полі, з пашчы якога з’яўляецца напалову высунутае дзіця» [Машкала 1996].

Просвещение и образование вносят коррективы и в устную традицию. Новые толкования герба в устах современных носителей выглядят следующим образом: «Раз в карете ехала княгиня с двумя дочками — Рузаной и Прузаной. Прузана выпала из кареты в воду. А змей, живший в этой реке, спас девочку и вернул матери. В честь этой девочки город назвали Пружаны» (Зап. от М. С. Младеновой, 2000 г.р., д. Новые Засимовичи, Пружанский р-н, Брестская обл. 2011 г.). Ребенок на гербе города в этом случае рассматривается не как проглатываемый, а как изрыгаемый из пасти змея, как начало новой жизни.

Пружаны всегда были пестрым в этническом и конфессиональном отношении городком: белорусы, русские, поляки, евреи, соответственно православные, католики, иудеи. Возможно, это обстоятельство сказалось на значительной вариативности этиологического предания: каждая этническая традиция привносила свои мотивы в текст. Второй возможной причиной является текстопорождающий образ змея в геральдической картинке, с которым связано огромное количество разнообразных сюжетов и мотивов, актуализируемых благодаря книжному просвещению и СМИ. Дискретность геральдической традиции, в свою очередь, влияла на разнообразие бытующих нарративов.

Интерпретация таких важных символических объектов, как гербы, весьма прихотлива, и в эпоху информационного бума возможно переосмысление, *переузнавание* многих явлений, что ведет к формированию новых повествовательных традиций.

Литература

Брэстчына 1995 — Брэстчына: назвы населенных пунктаў паводле легендаў і паданняў / Склад., запіс. А. М. Ненадаўца. Минск, 1995.

Городские поселения 1861 — Городские поселения в Российской империи. Т. II. СПб., 1861. С. 70–72.

Живописная Россия 1882 — Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении / Под общ. ред. П. П. Семенова. Т. III. Ч. 1. Литовское Полесье. СПб.; М., 1882.

Забытых таямніцаў чар 2006 — Забытых таямніцаў чар. Легенды, паданні, аповесці ваколіц Белавежскай пушчы / Пад рэд. Наталлі Герасімяк. Гайнаўка, 2006.

Зелевіч 2008 — *Зелевіч Е.* Гербу города — 420! // Раённыя будні. 2008. 28 мая. С. 5.

Малышэўскі 1988 — *Малышэўскі Ю.* Дабучын — Пажарла — Пружаны // Зара камунізму. 1988. 23 чэрв.

Машкала 1996 — *Машкала І.* Вярнуцца да карнёў // Раённыя будні. 1996. 29 чэрв.

Панюціч 1987 — *Панюціч А.* Падарожжа ў мінулае // Зара камунізму. 1987. 14 ліст.

Пракаповіч 2008 — Пракаповіч Н. Час, калі горад жыў па-каралеўску // Раённыя будні. 2008. 2 лют.

Пружаны і ваколiцы 2013 — Пружаны і ваколiцы. Брэст, 2013. Выд. 2.

Регионы Беларуси 2009 — Регионы Беларуси: Энциклопедия: В 7 т. Т. I. Кн. 2. Брестская область / Ред. кол.: Т. В. Белова [гл. ред.] и др. Минск, 2009. С. 288–290.

Спаткай 1996 — Спаткай Л. Блакітны змей як сімвал горада // Раённыя будні. 1996. 7 снеж. (декабря).

Церахава 2004 — Церахава В. Пружаны. Гістарычны нарыс. Пружаны, 2004.

Энциклопедический словарь 1898 — Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Т. XXV^A (50). СПб., 1898.

Siownik 1888 — Siownik geograficzny Krystwa Polskiego i innych krajow siowiackich. Warszawa, 1888. Т. IX. С. 110–112.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Кандидат филологических наук, доцент кафедры лингводидактики и межкультурной коммуникации Московского государственного психолого-педагогического университета: Российская Федерация, 121500, г. Москва, пос. Рублево, ул. Василия Ботылева, д. 31; тел.: +7 (499) 727-24-85; e-mail: tkhlybova@yandex.ru

---

SERPENT IN HERALDRY AND FOLK LEGENDS OF A BELARUSIAN TOWN

TAISIA KHLYBOVA

(Moscow State University of Psychology and Education:
31, Vasily Botylev's str., Rublevo township, Moscow, 121500, Russian Federation)

Summary. *The author considers the problem of interpretation of traditional folk plots during information revolution period of the end of the 20th — beginning of the 21st centuries as exemplified in the toponymic oral narratives about the Belarusian town of Pruzhany, which include an international motif: a serpent swallows / spits out a child.*

Pruzhany is a multi-ethnic and multi-religious town in the West of Belarus. Its history is connected with Bona the Polish Queen of Sphorza the ruling family of Milan, whose coat of arms became the prototype of Pruzhany coat of arms. Heraldic picture (a snake swallowing / spitting out a child) became text-producing and provoked certain toponymic legends. Toponymic narratives that explain the name of the town include motives about a serpent or are associated with fairy tales about a snake, as well as with other folklore genres. Toponymic legends recorded in the 21st century from Pruzhany and nearby localities were transformed under the influence of various historical and geopolitical circumstances and changing landscape features of the territory. The coat of arms with the serpent appeared in the late 16th century and in the end of 18th, when Pruzhany became a part of the Russian Empire, it was replaced by another one. Then it was returned twice. Discreteness of the heraldic tradition along with probable multi-ethnic cultural influence had an effect on the plot of the toponymic narratives which either exploit the snake motive actively or dispensed without it.

Pruzhany, according to the legend, got its name because of Pruzha (Prusa) — the daughter of the Queen, — who drowned in the river or was eaten by a serpent. According to another version, the town was built on the bank of a shallow river, which had been cursed by the Queen because of her misfortune.

The change in the plot touched its ideological basis: in accordance with the new understanding, which goes back to the official interpretation of the Italian coat of arms, snake doesn't not swallow, but spits the baby out of its mouth in order to save him. This interpretation which was presented in mass media and book adaptations of the legend, is also reflected in the oral tradition.

Key words: snakes, heraldry, coat of arms, Pruzhany, Bona Sforza the Queen, oral narratives.

References

- Brjestschna: nazvy naselennyh punktaw pavo-dle legendaw i padannjaw [Brest Region: Names of Settlements according to Legends and Narratives]. Comp., recorded by A.M. Nenadawc. Minsk, 1995. In Belarusian.
- Cerahava V.** (2004) Pruzhany. Gistarychny narys [Pruzhany: A Historical Essay]. Pruzhany. In Belarusian.
- Entsiklopedicheskiy slovar'. F.A. Brokgaus, I.A. Efron (1898) [Encyclopaedic Dictionary, comp. by F.A. Brokgaus, I.A. Efron]. Vol. 50. St. Petersburg. In Russian.
- Gorodskie poseleniya v Rossiyskoy imperii (1861) [Urban Settlements in the Russian Empire]. Vol. 2. St. Petersburg. Pp. 70–72. In Russian.
- Malyshjewski Ju.** (1988) Dabuchyn — Pazhara — Pruzhany. *Zara kamunizmu* [The Dawn of Communism]. 1988. The 23rd of June. In Belarusian.
- Mashkala I.** Vjarnucca da karnjow [Returning to own Roots]. *Rajonnyja budni* [Local Everyday Life]. 1996. The 29th of June. In Belarusian.
- Panjucich A.** Padarozhza w minulae [The Trip to the Past]. *Zara kamunizmu* [The Dawn of Communism]. 1987. The 14th of November. In Belarusian.
- Prakapovich N.** Chas, kali gorad zhyw pakaralewsku [The Time of the Town's Royal Way of Life]. *Rajonnyja budni* [Local Everyday Life]. 2008. The 2nd of February. In Belarusian.
- Pruzhany i vakolicy [Pruzhany and its Precincts]. Brest, 2013. 2nd Ed. In Belarusian.
- Regiony Belarusi: entsiklopediya: V 7 t. T.I. Kn. 2. Brestskaya oblast' (2009) [Regions of Belarus: Encyclopaedia: in 7 vol. Vol. 1. Book 2. Brest Region]. Ed by T.V. Belova et a. Minsk. Pp. 288–290. In Russian.
- Spatkaj L.** (1996) Blakitny zmej jak simval gorada [The Blue Serpent as the Town's Symbol] *Rajonnyja budni* [Local Everyday Life]. 1996. The 7th of December. In Belarusian.
- Siownik geograficzny Krylestwa Polskiego i innych krajow siowiacskich (1888) [The Geographic Dictionary of the Polish Kingdom and Other Slavic Countries]. Vol. 9. Pp. 110–112.] Warszawa. In Polish.
- Zabytyh tajamnicaw char. Legendy, padanni, apovesci vakolic Belavezhskej pushchy (2006) [Fascination of Forgotten Mysteries. Legends, Narratives and Stories around Biaewiezha Forest]. Ed. by Gerasimjuk N. Gajnawka. In Belarusian.
- Zelevich E.** Gerbu goroda — 420! [The Town's Coat of Arms is 420 years old!] *Rajonnyja budni* [Local Everyday Life]. 2008. 28th of May. P. 5. In Belarusian.
- Zhivopisnaya Rossiya. Otechestvo nashe v ego zemełnom, istoricheskom, plemennom, ekonomicheskom i bytovom znachenii T. III. Ch. 1. Litovskoe Poles'e (1882) [Picturesque Russia. Our Motherland in its Landscape, Historical, Ethnic, Economic and Everyday Life Dimensions]. Ed. by P.P. Semenov. Vol. 3. Part 1. The Lithuanian Polesye. St. Petersburg; Moscow. In Russian.

ABOUT THE AUTHOR

E-mail: tkhlybova@yandex.ru

Tel.: +7(499) 727-24-85

31, Vasily Botylev str., Rublevo township, Moscow, 121500, Russian Federation

PhD (Philology), associate professor, department of Linguodidactics and Crosscultural Communication, Moscow State University of Psychology and Education

---